

“НОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ БЕЗОПАСНОСТИ” ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ КНР

В. Боровой

Под «новой концепцией безопасности» (新安全观) в данной статье понимается официальная доктрина, описывающая китайское виденье проблем безопасности в современных международных отношениях, которая была выдвинута правительством КНР во второй половине 90-х гг. XX в. и зафиксирована в выступлениях китайских руководителей на международных форумах, а также в различных документах.

«Новая концепция безопасности», предлагаемая Пекином, является результатом адаптации традиционных дипломатических доктрин и подходов КНР времен холодной войны к современным условиям. В ее формировании сыграли роль три фактора: во-первых, с началом проведения политики реформ и открытости в 1979 г., основной целью внешней политики КНР стало сохранение такой международной обстановки, которая была бы благоприятна для внутреннего развития страны. Во-вторых, в силу этой базовой установки, начиная с 1982 г. правительство КНР официально провозгласило, что отказывается от участия в любых военных альянсах, направленных против третьих стран. В третьих, после окончания холодной войны, когда США стали единственной сверхдержавой, Пекин, опасаясь возможных негативных последствий, стал активно пропагандировать идею многополярного мира, где все наиболее существенные международные проблемы решались бы путем достижения консенсуса между наиболее важными мировыми державами.

В качестве прямых предшественников «новой концепцией безопасности» можно назвать пять принципов мирного сосуществования, провозглашенных при активном участии Китая на Бандунгской конференции в 1955 г. [21, р. 93-102] и идей Дэн Сяопина относительно государственных интересов КНР и ее внешнеполитической стратегии [20, р 3-9]. Китайские авторы сходятся в том, что впервые «новая концепция безопасности» была официально выдвинута в различных документах и выступлениях китайских руководителей в 1997 г. Формирование же данной доктрины началось еще в начале 90-х гг. XX в., примерно совпав с окончанием холодной войны [18, р. 28; 17. 45-45].

Несмотря на то, что эта доктрина, направленная на формирование миролюбивого международного имиджа КНР, несомненно, несет значительную пропагандистскую нагрузку, она также весьма важна для понимания некоторых глубинных мотивов и установок внешней политики современного Китая. В данной статье «новая концепция безопасности» анализируется с трех точек зрения. Во-первых, выявляются фундаментальные особенности лежащие в основе «новой концепции безопасности», отражающие консенсус китайской элиты относительно базовых национальных интересов и путей их реализации на международной арене на данном этапе. Во-вторых, эти особенности рассматриваются в сравнении с некоторыми западными концепциями международных отношений, благодаря чему весьма четко прослеживаются некоторые отличия китайского внешнеполитического мышления. В-третьих, «новая концепция безопасности» имеет прямое практическое значение, поскольку достаточно тесно увязывается

китайскими специалистами и политиками с Шанхайской организацией сотрудничества, которая представлена как реализация этой концепции на практике, а также как образец для развития отношений между КНР и другими, прежде всего, азиатскими странами [10]. В этом смысле, анализ данной концепции имеет особую значимость для понимания китайской стратегии в отношении соседних с Китаем стран Азии. По мнению автора данной статьи, в отношении этих азиатских стран, «новая концепция безопасности» КНР, предлагает достаточно целостное альтернативное виденье современных международных отношений, прямо отвечающее наиболее насущным интересам различных, в том числе и авторитарных, режимов, но, одновременно, не предполагающее прямой идеологической конфронтации с западными подходами к международным проблемам. С этой точки зрения, «новая концепция безопасности» КНР может рассматриваться как составная часть проекта формирования региональной подсистемы в Азии, в которой бы учитывались интересы Китая и мировоззренческие особенности китайской политической элиты.

Национальные интересы КНР и основные особенности «новой концепции безопасности»

Сама концепция складывается из четырех принципов сотрудничества между странами в области безопасности и различных механизмов практической реализации этих принципов. Как заявил Цзян Цзэминь в своем выступлении на шестнадцатом съезде партии в ноябре 2002 г., «новая концепция безопасности» КНР строиться на основе *взаимного доверия, взаимной выгоды, равноправия и координации действий между странами* [12]. Взаимное доверие является предпосылкой успешного сотрудничества и укрепляется по мере развития сотрудничества между странами. Принцип взаимной выгоды подчеркивает важность учета интересов каждого из государств. Поскольку понятие суверенитета это единственное что делает различные по своим возможностям государства формально равными, то равноправие можно понимать как утверждение принципа государственного суверенитета. В свою очередь, необходимость координации между странами, отражает как идею многополярности мира, так и неприятие односторонних действий со стороны некоторых мировых держав.

Для практической реализации «новой концепции безопасности» Китай предлагает следующие меры:

- 1) развитие экономического сотрудничества между странами в качестве основной предпосылки всеобщей безопасности, подчеркивание важности общих интересов в процессе дипломатических контактов, отказ от гонки вооружений;
- 2) создание многосторонних механизмов безопасности в Азии (в качестве успешно реализуемого примера приводится Шанхайская организация сотрудничества);
- 3) соблюдение принципа прозрачности в сфере безопасности и вооружений;
- 4) выдвижение понятия «комплексной безопасности», включающей как традиционные, так и нетрадиционные угрозы, а также принятие странами на себя большей ответственности в международных отношениях (поведение КНР во время финансового кризиса конца 1990-х гг. трактуется как образец подобного ответственного поведения на мировой арене) [16, р. 14; 18, р. 32].

Как можно заметить, в основе философии «новой концепции безопасности», лежит *принцип общей выгоды*, превалирующей над частными интересами отдельных стран, и рассматриваемый как основной источник общей безопасности [17, р. 46; 19, р. 36-37]. Поскольку значимость общей пользы отнюдь не всегда осознается государствами, необходимо вести активную дипломатическую работу в этом направлении. Основа для формирования общих интересов – экономическое

сотрудничество. С этой точки зрения, ни военные альянсы (и, соответственно, традиционных баланс сил), ни одинаковая политическая система не являются залогом мира и безопасности [18, р. 28-30, 32]. Естественное развитие этого принципа это – провозглашение необходимости сотрудничества между странами (частными вариантами чего являются диалог и мирное решение конфликтов) для обеспечения безопасности. Таким образом, в основе «новой концепции безопасности» лежит идея того, что безопасность любого государства прямо определяется тем, насколько его интересы совпадают с общей пользой, которая выявляется и реализуется через сотрудничество, особенно в экономической сфере. В выступлениях китайских лидеров безопасность и торгово-экономическое сотрудничество образно описываются как «два колеса», сообща играющие ведущую роль в развитии регионального сотрудничества [11].

Второй базовый принцип – это **необходимость многостороннего сотрудничества** между государствами, что проявляется как в подходах к проблемам на глобальном уровне (многополярность), так и к региональной проблематике (многосторонние механизмы безопасности). На практике эти два понятия зачастую увязываются воедино: «новая концепция безопасности», одним из основных принципов которой является многостороннее сотрудничество, провозглашается внешнеполитическим инструментом китайской модернизации, направленным на укрепление многополярности [18, р. 28]. Подчеркивание принципа многостороннего сотрудничества, несомненно, свидетельствует о значительных переменах в установках китайского руководства, ранее традиционно стремившемся решать проблемы (особенно болезненные) на уровне двусторонних отношений.

Третий, неявный, но очень существенный принцип «новой концепции безопасности» – это **приоритет намерений над возможностями** в международной системе безопасности. Важно не то, насколько мощным является то или иное государство (данный постулат подразумевает, что это проблема внутреннего развития), а то, как оно использует свои возможности на мировой арене [1, р. 137; 17, р. 46]. Хотелось бы в этой связи отметить и акцент на субъективный характер безопасности государства, прослеживаемый в работах китайских политологов [18, р. 32]. В этой связи стоит упомянуть и о сознательно культивируемой в выступлениях китайского руководства и средствах массовой информации идеи о том, что КНР это «держава, отвечающая за свои действия» и в полной мере осознающая то, что бремя ответственности страны на международной арене должно быть прямо пропорционально ее мощи и возможностям.

Эти три базовых принципа, лежащие в основе «новой концепции безопасности» можно оценить, во-первых, с точки зрения современной теории международных отношений, во-вторых, с позиций их практической значимости и возможных последствий реализации.

«Новая концепция безопасности» и современная теория международных отношений

Для того чтобы четко понимать китайскую специфику «новой концепции безопасности» уместно проанализировать некоторые из ключевых аспектов этой концепции с точки зрения современной теории международных отношений. Китайский подход отчасти совпадает с некоторыми положениями западных теоретиков международных отношений, однако в силу специфических особенностей фактически представляет собой оригинальную и самобытную конструкцию.

Поскольку основной акцент в «новой концепции безопасности» делается на общей выгоде и возможностях сотрудничества между странами, то, прежде всего, следует вспомнить дебаты между неореалистами и неолибералами относительно границ возможного сотрудничества между государствами. Напомним, несмотря

на то, что и те и другие занимают схожие позиции по ряду принципиальных вопросов (например, характеристика общего состояния международных отношений как анархии в специфическом понимании этого термина и рациональный характер политики государств) для неореалистов, сотрудничество между странами в различных областях хотя и возможно, но носит весьма ограниченный характер. Неолибералы же подчеркивают то, что страны неизбежно заинтересованы в подобном сотрудничестве в силу возможных выгод.

Провозглашая идею общей пользы и необходимости уделять основное внимание намерениям, а не возможностям, Китай, собственно, однозначно становится на сторону неолиберализма в его давнем споре с неореализмом относительно абсолютных и относительных выгод международного сотрудничества [2, р. 117-8]. Неореалисты полагают, что если государство А, сотрудничая с государством Б, выигрывает меньше чем государство В, т.е. проигрывает в относительном плане, такое сотрудничество не соответствует государственным интересам государства А и подрывает его безопасность. В противоположность им, неолибералы считают, что в современном мире, где на первый план выходят экономические проблемы, государства склонны сотрудничать вне зависимости от того, насколько противная сторона выигрывает от такого сотрудничества, т.е. речь идет о сотрудничестве ради абсолютных выгод. Основополагающие постулаты «новой концепции безопасности» как раз и базируются на допущении того, что страны региона стремятся или должны для укрепления собственной безопасности стремиться именно к абсолютным выгодам, не обращая внимания на то, сколько выигрывают их соседи. Для Китая, при условии сохранения современных темпов роста, подобная позиция безусловно является беспроблемной, поскольку позволяет достичь как абсолютных, так, в перспективе, и относительных выгод от международного экономического сотрудничества, одновременно обеспечив себе мирную международную обстановку для внутреннего развития.

Другой центральный постулат «новой концепции безопасности», принцип многостороннего сотрудничества, также близок идеям неолиберализма о значительной роли международных институтов в современных международных отношениях, поскольку многосторонний подход неизбежно предполагает выработку единых норм, кодекса поведения, и, в конечном итоге, по крайней мере, в XX в., создание формальных институтов, регламентирующих действия стран-участниц в определенной сфере.

Однако, если обратить внимание на то как «новая концепция безопасности» реализуется на практике в форме Шанхайской пятерки и ШОС, то мы заметим и существенные расхождения с неолиберализмом. Как уже отмечалось, китайские авторы подчеркивают то, что Шанхайская пятерка и ШОС являются зримым воплощением «новой концепции безопасности». ШОС, одно из наиболее существенных достижений в сфере развития связей Китая с Россией и со странами Центральной Азии, возникла в результате укрепления и развития т.н. «шанхайского процесса». Под термином «шанхайский процесс» обычно понимают эволюцию переговорного процесса, основание которого было заложено на встрече глав Китая, России, Казахстана, Киргизстана и Таджикистана в Шанхае в 1996 г. В дальнейшем, эволюция этого процесса привела сначала к возникновению механизма саммитов Шанхайской пятерки, а затем к созданию ШОС. Кроме того, часто можно встретить также понятие «дух Шанхая», обозначающее комплекс норм, призванных регулировать отношения между государствами и основанных, с одной стороны, на уставе ООН и международном праве, с другой, включающих некоторые специфические китайские концепции.

С одной стороны, шанхайский дух и порожденные им организационные формы рассматриваются как новая модель региональной безопасности, направленная

«внутри себя», но не направленная против третьих стран, и в этом смысле противопоставленная традиционным союзам, которые расцениваются как продукты холодной войны. Предполагается, что эта новая модель в дальнейшем превратится в образец для подражания и станет основой будущих международных отношений [9].

С другой – сотрудничество в рамках «шанхайского процесса» рассматривается как оплот традиционной системы международных отношений, где главным является суверенитет государства. С этой точки зрения ШОС отчетливо противопоставляется новым гуманитарным подходам в международных отношениях [13, р. 4-5; 16, р. 14-15]. Однако, с точки зрения китайских политиков, обозначенные выше два аспекта являются взаимосвязанными и взаимодополняющими: страны, объединенные признанием абсолютности и универсальности государственного суверенитета в международных отношениях естественным образом формируют механизмы региональной безопасности для взаимного обеспечения суверенных прав, оберегая их как от посягательств извне, так и от внутренних конкурентов.

В этом смысле китайская концепция прямо расходится с положениями неоллиберализма как одной из теорий международных отношений, поскольку последний склонен подчеркивать ограниченный и условный характер государственного суверенитета и его постепенное размывание в условиях глобализации, и частично совпадает с положениями неореализма, продолжающим отстаивать доминирующую роль государства и его интересов в международных отношениях. В полном соответствии с построениями неореализма, китайское руководство также ставит во главу угла национальные интересы и прежде всего обеспечение безопасности государства, считая остальные задачи вторичными.

Однако, между ними есть и существенное различие: если неореализм считает, что все государства ведут себя в условиях анархии одинаково, а разница в их поведении определяется их реальными возможностями, т.е. национальной мощью страны, то китайский подход акцентирует внимание на субъективных намерениях государства и фактически отрицает структурную роль анархии. Именно акцент на субъективных намерениях государства, а не на его возможностях позволяет настаивать на возможности создания долгосрочных отношений мира и сотрудничества между странами. В этом плане «новая концепция безопасности» близко подходит к социальному конструктивизму А. Вендта с его знаменитым положением о том, что т.н. анархия это не неизбежное зло в международных отношениях, а лишь субъективная установка, порожденная многовековой политикой подозрительности и недоверия между государствами [8, р. 394-395]. В этом, безусловно, есть рациональное зерно и если Китай, отталкиваясь от своего оригинального, исторически сформировавшегося видения мира, действительно сможет выработать и реализовать на практике новую «культуру поведения» великой державы, то это будет значительный вклад в теорию и практику международных отношений.

Таким образом, «новая концепция безопасности», соединяя в себе различные элементы западных доктрин, тем не менее, является вполне оригинальной конструкцией. Видимо, наиболее существенным отличием китайской модели является глубокая убежденность в большом положительном потенциале государства, в том числе и на мировой арене, в противоположность либерализму англосаксонских концепций.

Практическое значение «новой концепции безопасности»

Для того, чтобы лучше оценить этот важный аспект проблемы, необходимо, прежде всего, четко понять специфику нынешнего этапа в эволюции внешней политики КНР. Представляется достаточно вероятным, что, окончательно оставив в

прошлом идеологическое наследие эпохи Мао, в том числе и в области внешней политики, Пекин, по мере роста своих возможностей, постепенно будет возвращаться к некоторым традиционным схемам отношений Поднебесной с внешним миром. До Опиумных войн Китай являлся относительно закрытой и самодостаточной страной, чьи внешние интересы были весьма ограничены и сводились, в основном, к сохранению формальной вассальной зависимости некоторых соседних стран и разрешению конфликтов с наиболее агрессивными соседями, которые непосредственно угрожали территории империи. При этом границ в европейском понимании этого слова не существовало, их заменяла система буферных территорий и нерегулярное патрулирование в пограничной зоне. В силу этого обстоятельства, граница между цивилизованным ядром мира, т.е. собственно Китаем и варварской периферией была довольно размыта. Если соседние государства проявляли покорность и соглашались выполнить определенные ритуалы, символизировавшие их вассальную зависимость, император милостиво разрешал им приобщиться к экономическим и культурным богатствам страны. В этом смысле можно согласиться с мнением Люсьена Пая, высказавшего мысль о том, что Китай – это цивилизация, притворяющаяся государством [4, р. 56].

Нынешняя ситуация отличается от той, что существовала до Опиумных войн, двумя основными особенностями: во-первых, Китай, завоевывая свою нишу в международном разделении труда, становится все более зависим от внешнего мира, особенно в сфере энергоресурсов и технологий; во-вторых, Китаю придется действовать в мире, где у него есть многочисленные соперники и конкуренты, не уступающие, а зачастую и превосходящие КНР по своим возможностям в различных областях. В этой ситуации наиболее логичный для Пекина выход это возрождение некоторых традиционных механизмов взаимодействия со внешним миром но уже на новом уровне, т.е. формирование ориентированного на Китай и на китайский рынок регионального сообщества с правилами игры, учитывающими китайские интересы и служащего определенным буфером между КНР и внешним миром. «Новая концепция безопасности» как раз и является одним из шагов, направленных на формирование такого прокитайского регионального сообщества.

В свое время Дэвид Бальдвин выделил пропаганду как один из четырех базовых методов, с помощью которых государства осуществляют свою внешнюю политику (три другие это дипломатия, экономическая политика и военные методы), определив ее как «целенаправленное манипулирование вербальными символами» для достижения влияния на международной арене [3, р. 13]. В этом смысле «новая концепция безопасности» является для Китая одним из способов заявить о себе, прежде всего, на региональном уровне. Во-первых, у КНР традиционно отсутствовала четко выработанная «азиатская» или региональной политики. Все взаимоотношения Китая со странами региона строились на двусторонней основе и в каждом конкретном случае это был специфический набор из взаимных интересов и взаимных противоречий [5, р. 158]. «Новая концепция безопасности», видимо, в определенной степени, призвана восполнить этот недостаток [14, р. 4-5], и, безусловно, может рассматриваться как один из исходных пунктов для формирования китайской версии азиатского регионализма.

Во-вторых, заложенное в «новой концепции безопасности» положение об экономическом сотрудничестве как основе для выявления и укрепления общих интересов [15, р. 49], прямо отражает интересы Пекина. С одной стороны, освоение внешних источников ресурсов и рынков является принципиально важным для дальнейшего роста экономики, с другой – Китай, довольно активно использует свой растущий внутренний рынок и заинтересованность различных стран в доступе к нему в качестве козырной карты в своей внешней политике.

Следует отметить, что, хотя развитие и поддержание внешнеэкономических связей, ставших ключом к блестящему экономическому росту в период реформ, являются несомненным приоритетом для китайского правительства, тем не менее, соображения внешнеэкономического порядка вовсе не всегда определяют действия китайских лидеров. Возможное негативное влияние на внешнюю торговлю и инвестиции вовсе не предотвратило жесткую реакцию китайских властей на демократические реформы в Гонконге в период правления губернатора Кристофера Патона, не мешало Пекину агрессивно отстаивать свои позиции в Южно-китайском море, вступая здесь в конфликт со странами АСЕАН, и не предотвратило военные маневры у берегов Тайваня в 1995-1996 гг.[5, p. 101-104]. Во всех этих случаях, скорее наоборот, Пекин сделал ставку на то, что тесные экономические связи стран региона с Китаем и их заинтересованность в сохранении этих связей, не позволят ни отдельным странам, ни региональному сообществу последовательно проводить курс на конфронтацию с КНР. В таком случае, внешнеэкономические связи могут лишь содействовать еще большей бескомпромиссности позиции КНР.

В-третьих, руководство КНР четко осознает, что попытки выстраивать отношения с другими (особенно соседними) странами исключительно на двусторонней основе, как это было ранее, неизбежно приведет к росту настороженности по отношению к стремительно набирающему силу Китаю и, даже к появлению антикитайских коалиций и союзов при негласной поддержке США. В такой ситуации оптимальной стратегией для КНР является попытка предупредить формирование таких коалиций через инициирование создания многосторонних региональных механизмов обеспечения безопасности. Благодаря этой политике малые и средние страны получают возможность сообща выстраивать свои отношения с Китаем, что в определенной степени гарантирует соблюдение их интересов. В свою очередь, в случае успешной реализации этой стратегии, Пекин достигает сразу трех целей: предотвращает формирование антикитайских блоков под патронажем США, становится инициатором формирования нового регионального сообщества, в котором бы в полной мере учитывались интересы Китая, а также обеспечивает мирную международную обстановку, благоприятную для расширения экономического сотрудничества, что совпадает с интересами внутреннего развития КНР.

В-четвертых, как уже отмечалось, одним из наиболее интересных моментов в «новой концепции безопасности» является принцип примата субъективных намерений государства на мировой арене. Практическое развитие этой идеи заключается в том, что государство само для себя вырабатывает определенный кодекс поведения на мировой арене, включающий отказ от агрессии и сравнительное уважение к чужим интересам. В этом плане в качестве лакмусовой бумажки можно рассматривать традиционный подход китайского руководства к применению военной силы во внешней политике КНР. С одной стороны, несмотря на декларируемое миролюбие, КНР за последние полвека участвовала в большем количестве войн, нежели любая другая крупная держава [7, p. 1-2]. Кроме того, все эти войны, вопреки упору на заманивание противника в глубь территории страны в официальной доктрине НОАК, велись либо на спорной территории, либо на территории противника [6, p. 53]. Однако, все эти войны, за исключением Корейской, носили периферийный характер, и китайская сторона, как показал, например, китайско-индийский конфликт 1962 г., сама не была заинтересована в эскалации конфликта, даже если он развивался успешно. Таким образом, можно утверждать, что, Китай, жестко и решительно отстаивая те периферийные территории, которые китайское правительство имело причины считать своими, тем не менее, никогда не стремился с помощью военных методов принципиально повлиять на

расстановку сил и ситуацию в мире и регионе. Единственным исключением, и то вопреки желанию КНР, стала война на Корейском полуострове. Периферийный и ограниченный характер конфликтов с соседними странами, даже в периоды политического радикализма внутри страны, свидетельствует о двойственном отношении китайского руководства к применению военной силы во внешней политике. С одной стороны, к силе прибегают не колеблясь, если этого требует обостренное восприятие территориальной целостности, с другой – Пекин до настоящего времени не злоупотреблял военными методами. Объяснений этому может быть несколько: от традиционного отказа от чрезмерного использования грубой силы, характерной для китайской политической жизни, до ограниченных возможностей НОАК.

Обобщая вышесказанное, можно сделать следующий вывод: «новая концепция безопасности» является прежде всего инструментом формирования определенного типа азиатского регионального сообщества (хотя ее функции, конечно, не ограничиваются региональным уровнем), в рамках которого страны Центральной, Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии получают взаимовыгодный доступ к китайскому рынку, возможность общаться с Китаем в рамках многосторонних механизмов сотрудничества, а также четкие гарантии невмешательства в их внутреннюю политику. В обмен эти страны должны в обязательном порядке учитывать интересы КНР как крупнейшей державы региона, прежде всего, в сфере безопасности и экономики. В случае прямого нарушения китайских интересов, особенно в сфере государственного суверенитета, КНР оставляет за собой право воспользоваться силовыми методами для защиты своих прав, вместе с тем, не преследуя цели принципиально изменить расстановку сил в регионе. Очевидно, что такой региональный механизм, предполагаемый «новой концепцией безопасности» может эффективно работать лишь в том случае если КНР действительно проявит себя как в полной мере «ответственная держава», прибегающая к насилию лишь в ограниченном числе заранее заявленных случаев, способная на эффективной и взаимовыгодной основе организовать разделение труда на региональном уровне, а также справедливо и рационально подходящая к проблеме совместно используемых ресурсов, таких как, например, трансграничные реки. От того пойдет ли КНР по пути некоторых западных держав, претендовавших в свое время на безусловную гегемонию, или сумеет, опираясь на национальные политические традиции, выработать свой собственный путь в мировой политике, зависит как будущее самой КНР, так и азиатского региона, а соответственно и дальнейшего пути развития международных отношений в целом. Обозначенные выше особенности «новой концепции безопасности» и ее отличия от западных моделей, внушают определенную надежду на то, что Китай способен создать новые подходы к международным отношениям. Таким образом, как с точки зрения практики развития региональных отношений в Азии, так и с теоретической точки зрения «новая концепция безопасности» заслуживает пристального внимания и дальнейшего изучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Свешников А.А. Концепции КНР в области внешней политики и национальной безопасности // Китай в мировой политике – 2001. Москва: РОССПЭН. – С. 93-143.
2. Grieco J.M. Anarchy and the Limits of Cooperation: A Realist Critique of the Newest Liberal Institutionalism // Neorealism and Neoliberalism. The Contemporary Debate / ed. by David A. Baldwin. – New York: Columbia University Press, 1993. – P. 116-142.

3. Baldwin D.A. *Economic Statecraft*. – 1985.–Princeton: Princeton University Press. 316 p.
4. Pye L. *China: erratic state, frustrated society*, *Foreign Affairs*, – 1990. – Vol. 69, № 4, pp. 56-74.
5. Roy D. *China's Foreign Relations*. – London: Macmillan Press, 1998. 264 p.
6. Shambaugh, D. *Growing Strong: China's Challenge to Asian Security*. *Survival*, vol. 36, № 2, 1994, p. 48-70.
7. Segal, G. *Defending China*, 1985, London Oxford University Press. 285 p.
8. Wendt A. *Anarchy is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics*. *International Organisation*, 1992, № 46 (2), p. 391-425.
9. 江泽民在“上海五国”元首会晤上发表讲话. *人民日报*, 2000/07/06 (1)
10. 江泽民 深化团结协作共创美好世纪 - 中华人民共和国主席 // 江泽民在“上海合作组织”成立大会上的讲话, 2001/06/15 [Electronic resource] – 2001. – Mode of access: <http://www.fmprc.gov.cn/chn/wjb/zzjg/gjs/gjzzyhy/1128/1130/t4500.htm>
11. 江泽民“弘扬‘上海精神’,促进世界和平” // 江泽民在上海合作组织圣彼得堡峰会上的讲话, *人民日报*, 2002年6月8日 (1)
12. 江泽民 全面建设小康社会, 开创中国特色社会主义事业新局面 // 江泽民在中国共产党第十六次全国代表大会上的报告, 2002/11/08 [Electronic resource] – 2002. – Mode of access: <http://www.shidian.sdu.edu.cn/news/news/zyzs/2003-04-21/1050915614.html>
13. 陈明山, 何希泉. 谋求地区安全 维护战略稳定-评“上海五国”合作机制 // *现代国际关系*. – 2000. – № 8. – 第 1-5 页.
14. 贺力力 论我国对中亚各国政策的战略意义 // *新疆教育学院学报*. – 2002. – Vol.14, № 4. – P. 4-6.
15. 胡文涛 从与东盟建立自由贸易区透视中国的新安全观 // *东南亚纵横*. – 2003. – № 7. – P. 49-52.
16. 李晓敏 “上海五国”机制与中国新安全观 // *和平与发展*. – 2000. – № 4. – P. 12-15;
17. 李晓敏 中国的新安全观 // *和平与发展*. – 2002. – № 2. – P. 44-47, 30.
18. 阎学通 中国的新安全观与安全合作构想 // *现代国际关系*. – 1997. – № 11. – P. 28-32.
19. 于泽民 中国的新安全观 - 从墨子的安全理念说起 // *党史纵横*. – 2002. – № 9. – P. 36-37.
20. 俞晓秋. 邓小平国际战略思想初探 // *世界经济与政治*. – 1995. – № 1, p. 3-9.
21. *中国当代外交史 (1949 - 2001)*. 杨福昌主编. 北京, 中国青年出版社, 2002. 604 p.